

ЮРИЙ БОНДАРЕВ: У каждого свой выбор

ПАТРИАРХУ ЛИТЕРАТУРЫ О ВОЙНЕ – 80

Вес. Москва - 2004 - 15 марта - с. 6

«Последние залпы», «Батальоны просят огня», «Горячий снег» – по этим книгам люди нескольких поколений узнавали горькую правду о Великой Отечественной войне. Со страниц романа «Тишина» чуть ли не впервые в подцензурной советской литературе было сказано о сталинских репрессиях. «Берег», «Выбор» и другие, более поздние романы Юрия Бондарева, принимались уже не столь единогласно, но и они становились сразу по выходу в свет литературным и общественным событием. Многие его книги экранизированы и инсценированы. Сегодня Юрию Васильевичу исполняется 80 лет. Он по-прежнему бодр, находится в непримиримой оппозиции к тому, что происходит в сегодняшней жизни и культуре, – и заканчивает новый роман.

– Юрий Васильевич, люди моего поколения (за 40) помнят ваши книги, и очень многие – любят. А как складываются сегодня отношения ваши и ваших книг с молодежью?

– Встреч с молодыми читателями у меня было, думаю, намного больше ста. Вот в прошлом году меня традиционно пригласили в Московский государственный открытый педагогический университет имени Шолохова, где я почетный профессор. Кстати, в университете открыт мой музей. Он расположен в большом помещении, там много экспонатов: книг, рукописей, фотографий...
– Не рановато ли? Ведь вы еще, слава богу, живой!

– Я им об этом говорил, но они меня не послушались. Вот туда я ежегодно стараюсь выдвигаться, а другим приходится отказываться. Живу я за городом, раньше добирался на машине, а теперь ранение дает о себе знать, и очень больно нажимать на педаль сцепления.

– Так вы водите сами?

– Сейчас временно нет. А жена жалуется, что руль трудно поворачивать.

– А какая у вас машина?

– «Волга».

– Как сейчас издаются ваши книги? Если не ошибаюсь, с 90-х годов они плохо выходили.

– Это не совсем так. Конечно, тех многомиллионных тиражей,

что были прежде, уже нет. Но раз шесть в «новые времена» – будем их называть по-чаплински – выходил «Горячий снег», несколько раз – «Берег», последний мой роман «Бермудский треугольник» выдержал пять изданий. Но его все равно не достать.

– Есть ощущение, что критика вас перестала замечать. Во всяком случае, прессы по «Бермудскому треугольнику» мне что-то не встречалось. Чем вы это объясняете?

– А разве не ясно?

– И все-таки, по-вашему, дело в теме или в личности автора?

– Дело в том, что не всем, имущим литературную власть, нравится то, что написано в этом трагедийном романе. Ведь речь идет о событиях осени 1993 года, о расстреле парламента. Об этом, кроме меня, написал, пожалуй, только Александр Проханов.

– Не совсем так. Были еще вещи Сергея Есина, Юрия Полякова, Леонида Бородина. Тоже, кстати, не замеченные критикой.

– Я не совсем согласен с Бальзаком, который говорил о крити-

ке, что это ржавчина, которая разъедает чистые, невинные души. Я ведь и сам был газетчиком, шесть лет работал в «Литературной газете», занимался и критикой, и прозой, и поэзией – все проходило через меня. Прекрасно знаю все газетные секреты. Много раз писал о критике резко, причем никогда не защищал свои романы, потому что защищаться – значит признать какую-то свою вину. А я отвечаю за каждую строчку своих произведений. Лев Толстой говорил, что «Война и мир» – это он. Я тоже считаю, что мои романы – это я.

– Ваше отношение к критикам понятно. Оно сложное. А каковы ваши нынешние отношения с читателями? Есть ли какая-то обратная связь?

– Раньше жена вынимала из почтового ящика груды писем. Сейчас их меньше. Но они приходят! И от старых поклонников, которые пишут мне десятилетиями. И, что особенно радует, от молодежи.

– Может, от молодежи мало писем потому, что она сейчас в основном пишет письма электронные, а ваши отношения с

компьютером, тем более с Интернетом, равны нулю?

– Я думаю, причина другая. На нашей культуре лежит черная, кривая тень. Чтобы ее победить, нужно изучить источники.

– Один из них – очевидно, телевидение, борьбу с которым вы ведете не на жизнь, а на смерть вот уже больше десяти лет?

– За это время оно стало еще разнуданнее в показе некоторых вещей, о которых в приличном обществе даже не принято говорить. Их не нужно видеть ни детям, ни женщинам, но смотрят все. Я говорю о так называемом сексе (термин взят с Запада), о порнографии, о разных аномалиях. Все это показывают, не прикрывая ни фиговыми листочками, ни ладонями, как греки прикрывали интимные места в своих скульптурах. И это очень грустно.

– И вы не видите на ТВ никаких изменений к лучшему?

– Пожалуй, стали больше показывать старых фильмов. Это, разумеется, явление положительное.

– А происходит ли что-то хорошее в сегодняшней литературе?

– Я часто вспоминаю слова Чехова из его записных книжек (цитирую по памяти): «Живи так, как будто ты сейчас должен протиснуться с жизнью, как будто время, оставленное тебе, есть неожиданный подарок». Для меня как писателя слово «живи» – синоним слов «работай», «пиши». Серьезных писателей осталось очень мало. Чтобы создать нечто значительное, нужно показать человека в преодолении, его прошлое и настоящее. У нас же сейчас пытаются отнять прошлое – или извратить его. Снимают в угоду власть имущим лживые, подбострастные фильмы о войне. В американских фильмах русские солдаты выглядят дебилами. Немцы более стеснительны, хотя и они окарικатуривают действительность. А ведь мы первыми отказались от этого в «Освобождении», показали немцев просто как немцев. Когда показывали премьеру фильма в Западной Германии, меня буквально зацеловали.

– Может быть, вы назовете примеры наших лживых, подбострастных фильмов? Имена режиссеров?

– Я очень долго был связан с кино. Человек может снять плохой фильм, а потом – замечательный. Поэтому не хочу трогать кинематограф.

– Давайте тогда вернемся к литературе.

– Начнем с Толстого и Достоевского. Им удалось проникнуть в лабиринты славянской души. И то не до самой глубины, потому что человеческая душа – тайна из тайн. А направление дал сам Господь Бог.

– В чем же тогда задача писателя?

– Именно в том, чтобы как можно глубже познать человека. Заблуждается тот, кто говорит: я знаю все. Мудрейший Сократ говорил обратное: я знаю только то, что я ничего не знаю. Успех в литературе приходит к тому, кто талантлив, честен, глубок. И – терпелив. Тем более сейчас, когда литература ушла на второй, даже на третий план.

– Есть ли сегодня, по-вашему, такие авторы?

– Отвечу так: если есть даже пять серьезных авторов, они могут делать великую литературу.

– Может ли такой человек оказаться в лагере ваших идейных и литературных противников?

– Пока я там никого такого не вижу. А в том лагере, которому я сочувствую, такие люди есть. Я вижу их попытки не сдавать литературные позиции и работать.

– Как вы сегодня относитесь к понятию «лейтенантская проза»? Не было ли это всего лишь искусственным соединением таких абсолютно не похожих друг на друга писателей, как Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Васильев, Евгений Носов, Константин Воробьев, Владимир Богомолов, Борис Васильев – каждый раз называлось несколько имен, но вроде я не упустила никого? Было ли такое явление?

– Думаю, что его придумали критики. Да, мы вернулись с войны лейтенантами. Но писать о войне начали в разное время и по-разному. У каждого был свой процесс осмысления, приведения в порядок своих воспоминаний, свой выбор. Сегодня многих из тех, кого вы назвали, уж нет на свете...

– Юрий Васильевич, до середины 90-х вы были активно действующей фигурой, причем не только литературного, но и политического истеблишмента. Почему вас сейчас почти не видно и не слышно?

– Вы, наверное, просто не знакомы с моими статьями последнего времени. Их много, и они все не ароматическо-ласкающего свойства, а довольно-таки сердитые, серьезные выступления по главным проблемам. Вот совсем недавно, 6 февраля, была моя такая статья в «Правде».

– Но помнят-то до сих пор «Слово к народу». Может, тогда, перед путчем 1991 года, просто тиражи были не в пример больше, чем нынче у «Правды»?

– Я же не могу все время писать «Слово к народу»! Последняя статья, о которой я говорил, такого же уровня, если не выше. 15 лет я был народным депутатом, сначала РСФСР – двух созывов, затем СССР, извездил всю страну. Выступал в библиотеках, университетах, даже на митингах. Был председателем Союза писателей России. Но ведь главная моя задача на этой земле – писать книги. Вот сейчас я заканчиваю новый роман.

– О чем он будет? Куда думаете отдать?

– Действие происходит в наши дни. Месяца через два закончу – и отдам в журнал «Наш современник».

– Когда началась перестройка, вы сравнили Россию с самолетом, который подняли в воздух, а куда лететь – неясно. Прошло много лет. Самолет сел – или все еще в полете, как вы считаете?

– Я думаю, что этот самолет все еще ищет свою прочную посадочную полосу.

Беседовала
Юлия РАХАЕВА

P.S. Редакция «Вечерней Москвы» поздравляет Юрия Васильевича с юбилеем и желает ему долгой творческой жизни.